

ГОРБУЛИН

Владимир Павлович — академик НАН Украины, доктор технических наук, профессор, первый вице-президент НАН Украины, директор Национального института стратегических исследований при Президенте Украины

ВОЕННО-ЯДЕРНЫЙ ТУПИК: УКРАИНСКИЙ ВАРИАНТ

Апокрифы утверждают, что в дни подписания так называемого Будапештского меморандума (1994 г.), которым Украине предоставлялись международные гарантии внешней безопасности, тогдашний президент Франции Франсуа Миттеран предупредил, что Украину так или иначе обманут...

После распада СССР Украина унаследовала третий в мире (после США и России) ядерный арсенал. Он насчитывал 220 единиц стратегических носителей, в частности 176 межконтинентальных баллистических ракет с 1240 боеголовками и 44 тяжелых бомбардировщика, оснащенных более чем тысячей ядерных крылатых ракет большой дальности, не считая нескольких сотен единиц тактического ядерного оружия [1].

Вопрос о дальнейшей судьбе этого сверхмощного ядерного арсенала был одним из ключевых для развития молодой украинской государственности, поскольку главные мировые игроки (США и Россия) однозначно желали видеть Украину безъядерным государством и обещали предоставить надлежащие международные гарантии безопасности. Отказ от такого сценария угрожал Украине международной изоляцией. Однако не только сугубо международно-политические факторы обусловили принятие тогдашним украинским руководством стратегического решения об отказе от ядерного оружия. Нужно было учесть также военно-политические аспекты проблемы. Ведь основная ударная мощь ядерного потенциала Украины — 46 твердотопливных межконтинентальных баллистических ракет SS-24 по десять боеголовок каждая — имела дальность полета более 10 тысяч километров. Это означало, что не евразийский континент был их целью. Неужели мы были готовы шантажировать, скажем, Соединенные Штаты — государство, которое и тогда, и сейчас является определяющим партнером украинской государственности и независимости?

Технико-технологические и финансово-экономические факторы также обуславливали принятие непростых политико-стратегических решений. Стоит напомнить, что в 1999 г. ис-

текали гарантийные сроки для 36 этих межконтинентальных баллистических ракет, а в 2002 г. — для оставшихся 10. И если украинские специалисты-ракетчики так или иначе могли найти решение проблемы поддержания в рабочем состоянии стратегических ракетных носителей (у нас имелась технико-технологическая база, но подобные работы требовали соответствующего финансирования, которого не было), то ситуация с ядерными зарядами была значительно сложнее. Ведь ядерные заряды проектировались, изготавливались и обслуживались предприятиями, расположенными в России — государстве, требовавшем передачи ему этих зарядов.

Сами ядерные заряды имеют ограниченное время использования и после окончания гарантийных сроков хранения должны быть тщательным образом обследованы, после чего принимается решение либо о продлении их ресурса (с заменой части электронных компонентов), либо о регенерации их ядерной «начинки». При этом процесс окончания гарантийных сроков для некоторых боеголовок начался уже в 1993 г., а отдельные боеголовки даже начали «дышать» — в них критически повысилась температура. У Украины не было ни времени, ни возможностей (в том числе научной поддержки и финансового обеспечения) для организации полноценного обслуживания, продления ресурса и безопасного хранения зарядов, исчерпавших свои сроки службы.

С другой стороны, такой беспрецедентный шаг, как отказ от ядерного оружия, способствовал тому, что молодое украинское государство вошло в международное сообщество как сознательный и мощный контрибьютор системы европейской и мировой безопасности, а его безъядерный статус открыл широкие перспективы для международного сотрудничества во многих сферах — от политической до энергетической.

16 ноября 1994 г. Верховная Рада Украины приняла Закон о присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1 июля 1968 г. Этим конста-

тировалось, что Украина является владельцем всего ядерного оружия, полученного в наследство от СССР, и намеревается полностью от него избавиться, используя в дальнейшем атомную энергию исключительно в мирных целях. 5 декабря 1994 г. был подписан Будапештский меморандум, согласно которому государства-гаранты (Россия, США, Великобритания и присоединившиеся к ним Франция и Китай) обязались уважать независимость, суверенитет и существующие границы Украины, воздерживаться от любых проявлений агрессии в отношении Украины, в том числе и от экономического давления. 2 июня 1996 г. Украина официально избавилась от достаточно неоднозначного статуса страны, обладающей ядерным оружием.

Было ли это решение правильным, а его осуществление безупречным? Или лучше было все-таки оставить себе если не стратегическое ядерное оружие, то по крайней мере тактическое? Время от времени эти вопросы возникают и у меня, особенно когда понимаешь, что вера в «слово» России как гаранта безопасности удивительно быстро испаряется.

Оставим за скобками рассмотрение статуса Будапештского меморандума как обязательного для государств, подписавших международный правовой документ. Отмечу только, что российская сторона постоянно нарушает свои обязательства, особенно в отношении воздерживания от экономического давления, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление Украиной прав, присущих ее суверенитету, и таким образом обеспечить себе преимущества любого рода. Наиболее ярко это проявилось во время «газовых войн» и особенно в 2013 г., когда под давлением российской стороны прежнее руководство Украины отложило подписание Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. Фактически такое поведение означало отрицание суверенитета Украины со стороны одного из гарантов независимости и территориальной целостности страны.

Украинско-российский конфликт вокруг острова Тузла в 2003 г., аннексия Крыма вес-

ной 2014 г. и военная агрессия на Донбассе окончательно и бесповоротно доказали, что Российская Федерация вообще не считает себя связанной гарантийными обязательствами в отношении Украины, определенными Будапештским меморандумом, о чем вскорее и заявили ее руководители (Д. Медведев, С. Лавров).

Указанные действия российской стороны вместе с позицией других стран — гарантов безопасности Украины, ограничивающихся сейчас преимущественно дипломатическим и экономическим давлением на Россию, способствовали возобновлению в Украине активной дискуссии о возможности восстановления ядерного статуса. Так, еще в июле 2014 г. народные депутаты Украины от ВО «Свобода» зарегистрировали в Верховной Раде проект постановления о Заявлении Верховной Рады относительно восстановления Украиной статуса ядерного государства.

Следует понимать, что Украина статуса ядерной державы как такового никогда и не теряла. Наша страна владеет мощной ядерной энергетикой и промышленностью, имеет и развивает отдельные технологические «переделы» (элементы) ядерно-топливного цикла (ЯТЦ), кроме «чувствительных» — изотопного обогащения урана и переработки отработанного ядерного топлива.

В Украине, как и во многих других странах мира, нет полного (замкнутого) ядерно-топливного цикла. Однако имеются его отдельные ключевые элементы. К ним относятся: добыча, измельчение и обогащение (горное) урановой руды с получением закиси-оксида урана (U_3O_8) — так называемого «желтого кека»; использование ядерного топлива (энергетические и исследовательские реакторы); хранение отработанного ядерного топлива; перевозка свежего и отработанного топлива и радиоактивных отходов, хранение и захоронение радиоактивных отходов. Такие элементы ЯТЦ, как конверсия урана (перевод закиси-оксида урана U_3O_8 в гексафторид урана UF_6 — соединение, легко переходящее в газообразное со-

стояние, которое технологически необходимо для дальнейшего обогащения), изотопное обогащение урана и его реконверсия (превращение гексафторида обогащенного урана в оксид урана), изготовление топливных таблеток из окиси урана и фабрикация готовых тепловыделяющих сборников, на сегодня в Украине отсутствуют. В то же время в рамках создания в Украине собственного производства ядерного топлива планировалось освоить и другие элементы ЯТЦ, кроме изотопного обогащения урана и переработки отработанного ядерного топлива.

Для начала процесса создания ядерного оружия мало одного политического заявления. Для этого нужно иметь оборудование и освоить ряд отсутствующих на сегодня в Украине элементов ЯТЦ — конверсию урана, его изотопное обогащение и реконверсию. Наиболее критическим является изотопное обогащение урана, закупка технологий и оборудования для которого практически невозможна, поскольку все это подпадает под запрещающий режим экспортного контроля. Выделение из отработанного ядерного топлива плутония тоже не решает «оружейного» вопроса, поскольку «энергетический» плутоний, в отличие от «оружейного», непригоден для создания эффективного ядерного заряда.

Сегодня Украина не в состоянии самостоятельно в короткие сроки решить технологические проблемы, связанные с разработкой и изготовлением военных ядерных боеприпасов, что обусловлено объективными факторами. В первую очередь это касается ядерной «начинки», для изготовления которой нужен или уран с обогащением по ^{235}U не менее чем 80% (а для эффективного заряда — 90–95%), или «оружейный» плутоний, в котором часть ^{239}Pu составляет не менее 90%. Таких материалов у нас нет. В Украине используется ядерное топливо с обогащением по ^{235}U менее 5%, а для научных исследований — не более 20%. Технологий, оборудования и специалистов по изотопному обогащению урана не имеется. Закупка технологий и оборудования практически

невозможна, поскольку они подпадают под экспортный контроль и запрет. Что касается «оружейного» плутония, то его нарабатывали лишь на специальных «промышленных» реакторах. «Энергетический» же плутоний, содержащийся в отработанном ядерном топливе АЭС, из-за высокой степени загрязненности другими изотопами плутония (в первую очередь ^{238}Pu , ^{240}Pu) для изготовления классического ядерного заряда непригоден, поскольку содержит слишком большое количество «первичных» нейтронов. Это приводит к слишком большой скорости цепной реакции, что не позволяет привлечь к реакции весь объем ядерного материала, необходимого для полноценного взрыва. Чрезмерная скорость реакции оборачивается маломощным взрывом, получившим название «брызги шампанского» и объясненным еще во второй половине 1940-х годов американскими учеными — «прародителями» атомной бомбы. Хотя теоретически «нейтрализовать» эти избыточные нейтроны возможно.

Но стоит ли начинать процесс развития полного ядерного цикла с производством «оружейного» высокообогащенного урана? Давайте взглянем на исторический опыт других стран, имеющих реальные ядерные амбиции. С чем они сталкиваются и на что готовы пойти во имя создания полного ядерного цикла?

В ситуации, очень похожей на украинскую, оказался Пакистан, который к моменту обретения независимости враждовал (из-за территориального конфликта вокруг Кашмира) с самым крупным государством региона — Индией. Между этими странами произошло несколько вооруженных конфликтов. Индия начала реализацию своей ядерной программы и в 1974 г. провела первое испытание ядерного оружия. Пакистан апеллировал к международному сообществу по поводу урегулирования конфликта и предоставления гарантий. Зулфикар Бхутто — тогдашний министр энергетики, а позднее президент и премьер-министр Пакистана, принимая во внимание недостаточную эффективность международных гарантий и угрозу создания Индией ядер-

ного оружия, поддерживал ядерную программу Пакистана, невзирая на огромные расходы и санкции. Своим известным высказыванием «если Индия сделает бомбу, мы готовы есть траву, но создадим свою ядерную бомбу» он афористически акцентуализировал ключевые трудности, с которыми сталкивается государство, имеющее ядерные амбиции. Пакистан заявил о факте обладания ядерным оружием в 1997 г.

Еще один пример — Иран и ситуация, которая в течение последних десяти лет складывается вокруг его ядерной программы и попытки создать собственное производство по обогащению урана. В ответ на отказ Ирана прекратить обогащение урана Совет Безопасности ООН начиная с конца 2006 г. принял ряд резолюций, запрещающих экспорт в Иран атомной, ракетной и значительной части военно-технической продукции. США и ЕС наложили еще более жесткие санкции, запретив непосредственные иностранные инвестиции в газовую, нефтяную и нефтеперерабатывающую промышленность Ирана, контакты с банками и страховыми компаниями, финансовые транзакции и т.п. Невзирая на публичные заявления иранских высокопоставленных должностных лиц о мирном характере ядерной программы, с 2011 г. МАГАТЭ выражает обеспокоенность возможным военным изменением ядерной программы Ирана. Однако, несмотря на международные санкции и позицию МАГАТЭ, Иран категорически отказывается прекратить обогащение урана. Не помогают ни международные санкции, ни кибероперации наподобие запуска вируса Stuxnet.

Готовы ли украинцы сейчас пойти таким же путем? А если и готовы, то понимают ли они, что **дискуссия о возобновлении Украиной статуса страны, обладающей ядерным оружием, сейчас объективно работает на интересы России как страны-агрессора?**

Во-первых, выход Украины из ДНЯО однозначно вызовет огромный негативный международный резонанс, приведет к международной изоляции Украины, к потере в это сложное для нас время поддержки со стороны наших

партнеров, к оттоку инвестиций и кредитов, к введению против нас режима международных санкций. Во-вторых, даже не принимая во внимание технологические сложности изготовления ядерного оружия, создание подобного производства требует значительного времени (более пяти лет, которых у нас нет), а также огромных валютно-финансовых ресурсов (по разным оценкам, от нескольких миллиардов до сотни миллиардов долларов США), которых в Украине нет, а в условиях международной изоляции и санкций — тем более не будет. Лучше всего эти выводы подтверждает, опять же, пример Ирана. Ведь ему даже при полной внутренней поддержке своей ядерной программы в условиях международных санкций понадобилось почти 10 лет (!) для выхода на *возможность* получения полноценного высокообогащенного урана. При этом подобные возможные шаги со стороны Украины (например, выход из ДНЯО и попытка создания мощностей по изотопному обогащению урана) **не дают сейчас никаких преимуществ в военном противостоянии с российским агрессором. Такие шаги, напротив, развязывают Кремлю руки как в политическом и идеологическом, так и в военном и экономическом измерениях противостояния с нами.**

С другой стороны, что же делать отдельно-му государству в условиях кризиса международной системы безопасности? И вообще, является ли нынешняя система международной безопасности дееспособной в вопросе противостояния современным вызовам?

Функционирующая до недавних пор система международной безопасности, базировавшаяся на соблюдении всеми участниками такого принципа международных взаимоотношений, как обязательность выполнения взятых на себя обязательств (*pacta sunt servanda*), закреплённого прежде всего в Уставе ООН (1945) и Венской конвенции о праве международных договоров (1969), столкнулась с иной реальностью, провозглашающей освобождение от такого ценностного императива.

Российский политолог А. Пионтковский доводит до логического завершения бесконеч-

ный спор сторонников разных течений международных отношений, поставив проблемный вопрос относительно города Нарва: *будет ли выполняться статья 5 Устава НАТО в случае, когда против одного из членов организации будет предпринята агрессия* [2]. Ведь именно на соблюдение международных гарантий безопасности надеется небольшое государство, подписывая соответствующие международные документы и принимая на себя встречные международные обязательства. Но будут ли прагматичные партнеры по договору в случае угрозы ядерного удара рисковать стабильностью своей политической и экономической системы ради защиты отдаленной страны?

Теоретическая конструкция международной системы безопасности построена на императиве уверенности, что принцип ответственности за принятые обязательства гарантированно сработает. Практика же демонстрирует постепенное размывание и деградацию ценностных установок международного общения, что прослеживается в спорах «прагматичной» и «нормативной» школ международных отношений [3–5]. Прагматичный подход к международным отношениям допускает возможность учета «законных интересов» агрессора и обосновывает такое поведение по формуле стратегического национального интереса. Нормативный подход предполагает, что преимуществ от учета «законных интересов» другой стороны при нарушении ценностного принципа заключенных международных актов не бывает.

Что же перевесит в решении стран-«гарантов»? Риск отказа от выполнения своих обязательств очень высок, поскольку либерально-демократическая модель управления должна получить согласие общества. Захотят ли граждане некоего государства воевать за маленькую далекую страну, которая заинтересовала «соседский мир»? Ответ прогнозируем. При этом «прагматики» детально объяснят преимущества «стратегического диалога» и найдут надлежащее политико-правовое объяснение для тех представителей «международного сообщества», которые все же вспомнят о ценностном измерении внешней политики.

Проблема чрезвычайно актуальна для нынешнего времени, более того — она угрожающа. Фактически перед теми, кто сегодня взял на себя роль лидеров в формировании международной системы безопасности, встал вопрос, смогут ли они сохранить эту роль в будущем. Верю, что осознание этого момента не потребует практической проверки «казусом Нарвы», поскольку даже незначительная задержка и нерешительность в реагировании означает смерть условного Запада и обесценивание тех ценностей, на которых он построен.

Однако признаки болезни уже налицо. Развитие событий вокруг соблюдения международных обязательств по Будапештскому меморандуму 1994 г., который должен был бы гарантировать территориальную целостность Украины, продемонстрировало системные изъяны существующей архитектуры/парадигмы международной безопасности и кризис элит в странах, претендующих на роль лидеров международного сообщества. Украина отказалась от унаследованного ядерного оружия и, получив гарантии безопасности, присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. Вот здесь и проявилось разное понимание принципов международного права (как и отличие теории от практики их применения). Через два десятилетия после подписания Будапештского меморандума гаранты безопасности Украины продемонстрировали доминанту именно прагматичного подхода к международной безопасности:

- глава МИД России Сергей Лавров заявил, что будапештские гарантии предусматривают лишь обязательство ядерных государств не применять ядерное оружие против государства, которому такие гарантии даются;
- посол Великобритании в Украине Саймон Смит сообщил, что, в соответствии с Будапештским меморандумом, подписанты соглашения, в том числе Великобритания, должны предоставлять консультации Украине в случае агрессии или экономического давления, и не более;
- посол США Джеффри Пайетт отметил, что Будапештский меморандум не был дого-

вором о предоставлении гарантий безопасности. Ссылаясь на других экспертов, он подчеркнул, что суть этого документа заключается в том, что подписанты принимают на себя обязательство уважать суверенитет и территориальную целостность Украины.

Вот и возникает вопрос, может ли тогда считаться Закон о присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия таким, что вступил в силу?

Пункт 6 Закона Украины «О присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г.» определяет, что «...Закон вступает в силу после предоставления Украине ядерными государствами гарантий безопасности, оформленных путем подписания соответствующего международно-правового документа».

Следует отметить, что отказ Украины от статуса страны, обладающей ядерным оружием, с самого начала не был однозначно воспринят в высших политических кругах страны. А в моменты, когда Украина не в состоянии уверенно отстаивать свои национальные интересы, в украинском обществе возникает желание пересмотреть решение об отказе от ядерного статуса и ядерного оружия. Такой «ядерный синдром» очень четко концентрируется в формуле: «Если бы у нас было ядерное оружие, с нами разговаривали бы по-другому».

И хотя история не знает сослагательного наклонения, давайте гипотетически представим себе ситуацию: если бы мы сейчас имели ядерное оружие, прибавило бы это нам внешней безопасности? Ответ, к сожалению, однозначно отрицательный. И связано это в том числе с культурой управления государством. Во-первых — и, вообще-то, одного этого уже достаточно, — последствия того, что ядерное оружие могло оказаться в руках террористов, перечеркивают любые военно-политические преимущества от обладания таковым оружием. А весь ход событий в 2014 г. показывает, что такое оружие вполне могло попасть к террористам, где бы оно ни хранилось на территории Украины. Во-вторых, хотя ядерное оружие и

является оружием сдерживания, сдерживающим фактором оно становится лишь тогда, когда при заранее определенных условиях оно может и должно быть применено. Даже если бы мы и оставили себе тактическое ядерное оружие и смогли поддерживать его в дееспособном состоянии, его использование против такого агрессора, как Россия, воспринималось бы крайне неоднозначно. Кроме того, применение оружия, с учетом разницы масштабов военных усилий и прогнозируемых последствий для страны, требует ответственности элиты, понимания и готовности общества к катастрофическим, если не сказать апокалиптическим, последствиям. Поэтому и попытка возобновления Украиной статуса государства, обладающего ядерным оружием, не прибавит нам внешней безопасности как таковой.

Так что же нам делать, учитывая тот факт, что Украина уже получила урок применения «прагматичного» подхода в исполнении подписантов международных документов?

Господствующая на сегодня логика уже привела к началу самого масштабного конфликта на европейском континенте со времен Второй мировой войны и откровенного «перекраивания» границ в Европе в нарушение установленных международных правил. При этом дальнейшая попытка реализации стратегического диалога «прагматиков» (что нашло отражение в предложениях «Группы Бойсто» [6]) лишь подтверждает абсолютную неприемлемость такого подхода для Украины.

Повторяю, что считал и считаю решения Украины, связанные с отказом от ядерного оружия бывшего СССР, полностью правильными и оправданными. Сбой в системе международной безопасности свидетельствует о необходимости ее кардинальной модернизации, а вовсе не о необходимости срочно начать формирование полного ядерного цикла с возможностью обогащения урана и получения Украиной ядерного оружия. Верю, что ценностное измерение вернется в международную политику, потому что никакая «прагматика» не в состоянии оградить систему международной безопасности от угроз со стороны людей «из

другой реальности». Как верю в наш народ и нашу армию. Мы должны использовать все свои возможности, надеяться прежде всего на себя, верить в свои силы и действовать. Тем более, что «мозгов» в Украине, способных решить любые научно-технические и технико-технологические задачи, вполне хватает.

Подытоживая, остановлюсь на том, что хотя и миновало почти 20 лет с тех пор, как Украина лишилась статуса страны, обладающей ядерным оружием, мы остаемся ядерной державой, а наши ядерная наука, промышленность и атомная энергетика поставлены под гарантии МАГАТЭ. Украина обладает крупнейшими в Европе месторождениями урановых руд и циркония, значительными залежами тория и гафния, действующими горно-обогачительными и перерабатывающими комплексами, мощной атомной энергетикой и промышленностью. Почти два десятка научных академических учреждений в сотрудничестве с профильными научно-техническими структурами работают на развитие ядерной отрасли Украины. Мы были и остаемся надежным партнером, уже давно сделавшим свой выбор в пользу исключительно «мирного атома», и мы не имеем сомнительных амбиций касательно обогащения урана или производства «оружейного» плутония.

Однако в плоскости энергетики мы уже не можем полагаться лишь на добрую волю страны-агрессора. И ключевой ответ — диверсификация. Но диверсификация не в узком понимании этого слова, когда на ум приходит лишь ядерное топливо, а диверсификация технологий, научно-теоретических исследований, научно-практических разработок и проектов. Необходимо начать строительство новых атомных блоков нероссийской конструкции, в частности работающих на природном уране, по подтвержденным запасам которого Украина входит в первую мировую десятку.

Однако и этих имеющихся запасов урана для атомных реакторов на «тепловых» нейтронах (а до сих пор все планы развития ядерной энергетики базировались на использовании лишь таких типов реакторов) у нас

хватит только на среднесрочную перспективу. Поэтому актуализируется вопрос освоения технологий переработки отработанного ядерного топлива, регенерации урана и «энергетического» плутония с целью использования их в качестве топлива для новейших реакторов. Необходимым шагом видится создание Центра ядерных технологий, который позволил бы реализовать эту технологическую возможность, способствовал обеспечению энергетической независимости Украины, сохранил потенциал и место страны в ядерном клубе развитых стран. При таких условиях для достижения «ядерной независимости» нам не нужно будет развивать такой «чувствительный» элемент ядерно-топливного цикла, как изотопное обогащение урана.

На сегодня изотопное обогащение урана до уровня, необходимого для производства ядерного топлива для украинских реакторов, осуществляется лишь в России.

При самом худшем же развитии событий Украине понадобится относительно немного времени для получения надлежащих аргумен-

тов, чтобы доказать людям из «другой реальности» нецелесообразность агрессивного поведения. Повторюсь, необходимые научные и политические «мозги» для этого имеются. И траву не надо будет есть. Но надеюсь, что до такого все же не дойдет. Прецедент нарушения международных соглашений о безопасности Украины одним из гарантов-подписантов свидетельствует о необходимости неотложного и действенного реагирования со стороны всего международного сообщества. Развиваемая в течение последних десятилетий международная система безопасности оказалась недееспособной в условиях агрессии представителей «другой реальности» и склонной лишь к демонстрации растущей обеспокоенности действиями агрессора.

Угроза самим принципам мировой системы международной безопасности должна вернуть ценностное измерение в международную политику, вернуть ответственность мировых лидеров за взятые на себя международные обязательства вообще и по проблеме соблюдения гарантий безопасности, данных Украине Будапештским меморандумом 1994 г., в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбулин В. Ядерный синдром, или Эссе о политических комплексах // День. — 3 окт. 2008 (№ 178). — <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/yadernyy-sindrom>.
2. Пионтковский А. Умереть за Нарву // Радио Свобода. — 1 дек. 2014. — <http://www.svoboda.org/content/article/26717745.html>.
3. Грем Т. В защиту стратегического похода к России // Ежедневный журнал. — 4 апр. 2013. — <http://www.ej.ru/?a=note&id=12802>.
4. Шевцова Л. Ответ реалиста идеалисту // Ежедневный журнал. — 5 апр. 2013. — <http://www.supernew.ej.ru/?a=note&id=12804>.
5. Шевцова Л. И опять о внешней политике... // Ежедневный журнал. — 29 мая 2013. — <http://www.ej.ru/?a=note&id=12980>.
6. Friedman U. A 24-Step Plan to Resolve the Ukraine Crisis // The Atlantic. — 26 Aug. 2014. — http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/08/a-24-step-plan-to-resolve-the-ukraine-crisis/379121/?single_page=true.